

Новое
Литературное
Обозрение

СЕРГЕЙ ЧУПРИНИН

ОТТЕПЕЛЬ
КАК
НЕПОВИНОВЕНИЕ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
МОСКВА
2023

УДК 930.85(091)(47+57)«195/1968»

ББК 63.3(2)632-7

Ч92

Чупринин, С.

Ч92 Оттепель как неповиновение / Сергей Чупринин. — М.: Новое литературное обозрение, 2023. — 224 с. (Серия «Критика и эссеистика»)

ISBN 978-5-4448-2141-1

Продолжая исследования «оттепельной» культуры (март 1953 — август 1968 гг.), начатые в книгах «Оттепель: События» (отмечена премией «Просветитель», 2020) и «Оттепель: Действующие лица», Сергей Чупринин размышляет о ключевых поворотах и тенденциях этого периода. Сколько прожил «идеологический нэп» в постсталинскую эпоху? Можно ли говорить об этом времени как о насильственно оборванном Возрождении, уроки которого становятся всё более и более актуальными? Как из-под глыб постепенно прорастала этика неповиновения казенной догматике и начальственным окрикам? Ответы на эти вопросы автор ищет, опираясь на свидетельства, оставленные непосредственными участниками культурных процессов 1950–1960-х годов. Статьи, вошедшие в книгу, рассказывают об оттепели как о сложном времени надежд и разочарований, в котором, однако, было место нравственности, гуманизму и сопротивлению советской системе. Сергей Чупринин — доктор филологических наук, профессор Литературного института, главный редактор журнала «Знамя».

УДК 930.85(091)(47+57)«195/1968»

ББК 63.3(2)632-7

На обложке: © Photo by Akira Hojo on Unsplash.com

© С. Чупринин, 2023

© С. Тихонов, дизайн обложки, 2023

© 000 «Новое литературное обозрение», 2023

Содержание

Вступление	6
«А мы просо сеяли, сеяли...» — «А мы просо вытопчем, вытопчем...»: От «идеологического нэпа» — к «великому расколу»	9
Альманашники: К истории «Литературной Москвы»	19
«Стрела выпущена из лука, и она летит, а там что Бог даст»: Жизнь и необыкновенные приключения «Доктора Живаго» в Советской России	50
Позиция: литературная критика в журнале «Новый мир» времен Александра Твардовского: 1958–1970 годы	87
У черты: Опыт и уроки раннего «подписантства»	127
Оттепель: Записи и выписки	144
Люди оттепели: Указатель имен	183

Вступление

О грядущей смерти Сталина известили заблаговременно.

Сначала, конечно, только начальство — 4 марта 1953 года всем членам и кандидатам в члены ЦК КПСС, членам Центральной Ревизионной комиссии КПСС были разосланы срочные вызовы в Москву для участия во внеочередном пленуме. Повестка пленума объявлена не была.

А на следующий день в «Правде» появились «Правительственное сообщение о болезни Председателя Совета Министров Союза ССР и Секретаря Центрального Комитета КПСС товарища Иосифа Виссарионовича Сталина» и «Бюллетень о состоянии здоровья И. В. Сталина на 2 часа 4 марта 1953 г.».

И еще до появления газеты, — записывает для памяти в дневник историк Сергей Дмитриев, —

ранним утром почувствовалось в радиопередачах смятение, появилась грустная музыка вместо обычных порядковых передач. Встали мы, как обычно, в 7 ч. утра. Последние известия в 7 ч. передавались обычные и закончились традиционной сводкой погоды. Но после известий передавать урок физкультуры по радио не стали. Стали передавать печальную музыку. Бородина, струнный квартет Глазунова, Грига и т. д. Так шло до 8 ч. И снова вместо обзора «Правды» и ее передовицы опять такая же музыка. Я сказал нашим, что, видимо, последует важное неожиданное сообщение о смерти кого-либо из членов ЦК или другого высокого органа. <...>

В 9 ч. 30 м. утра это зловещее сообщение и было оглашено по радио. Речь шла о серьезной болезни т. И. В. Сталина. <...> Читал сообщение по радио Левитан. Затем оно несколько раз передавалось через небольшие промежутки времени (Отечественная история. 1999. № 5. С. 144).

Люди плакали.

А на завтра, когда та же «Правда» опубликовала «Бюллетень о состоянии здоровья И. В. Сталина на 2 часа 5-го марта 1953 г.», заплакали еще горше.

Не все, однако.

В тюрьмах, лагерях и поселениях этого известия ждали уже давно, почти теряя надежду, что дождутся.

Я уж не помню, после этого ли бюллетеня или после второго, в общем после того, в котором было сказано: «чейнстокское дыхание», — мы кинулись в санчасть, — рассказывает Лев Разгон. — Мы <...> потребовали от нашего главврача Бориса Петровича, чтобы он собрал консилиум и — на основании переданных в бюллетене сведений — сообщил нам, на что мы можем надеяться...

<...> Мы сидели в коридоре больницы и молчали. Меня била дрожь, и я не мог унять этот идиотский, не зависящий от меня стук зубов. Потом дверь, с которой мы не сводили глаз, раскрылась, оттуда вышел Борис Петрович. Он весь сиял, и нам стало все понятно еще до того, как он сказал: «Ребята! Никакой надежды!!»

И на шею мне бросился Потапов — сдержанный и молчаливый Потапов, кадровый офицер, разведчик, бывший капитан, еще не забывший свои многочисленные ордена... (*Разгон Л.* Плен в своем отечестве. М.: Книжный сад, 1994. С. 382).

...Нет, не выжил! О радость и торжество! Наконец-то рассеется долгая ночь над Россией, — вспоминает Олег Волков. — Только — Боже оборони обнаружить свои чувства: кто знает, как еще обернется? <...>

Ссылные, встречаясь, не смеют высказывать свои надежды, но уже не таят повеселевшего взгляда. Трижды ура! (*Волков О.* Погружение во тьму. Из пережитого. М.: Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2018. С. 312).

Но это лагерники и ссыльнопоселенцы, враги народа. А что же соратники отца народа, самый ближний к вождю круг?

Трудно поверить, но они так же нетерпеливо ждали этого дня и, с трудом сдерживая себя, ликовали не меньше лагерников.

Что и понятно. Жену Поскребышева расстреляли еще до войны. У Кагановича брат застрелился перед арестом. У Молотова жена в ссылке, у Буденного — в лагере. Да и у остальных, кого ни копни, либо в родне, либо среди теснейших друзей тоже найдутся жертвы социалистического созидания.

Но это бы еще ладно. Повязанные, все как один, соучастием в массовых репрессиях, «тонкошеие» всегда думали о себе больше, чем о своих семьях. А тут — пятью месяцами раньше на пленуме ЦК после XIX съезда партии Сталин не только разбавил проверенный состав высшего руководства новыми фаворитами, но и подверг Молотова и Микояна сокрушительной критике, и над каждым из «старой гвардии» замаячила тень гильотины.

Вот и вышло, что Сталин еще жив или считается живым, а его наследство второпях поделили и резкая смена государственного курса была уже predetermined.

Пятое марта, вечер. В Свердловском зале должно начаться совместное заседание ЦК, Совета Министров и «Президиума» Верховного Совета, о котором было потом сообщено в газетах и по радио. Я пришел задолго до назначенного времени, минут за сорок, но в зале собралось уже больше половины участников, а спустя десять минут пришли все. <...> И вот несколько сот людей, среди которых почти все были знакомы друг с другом, знали друг друга по работе, знали в лицо, по многим встречам, — несколько сот людей сорок минут, а пришедшие раньше меня еще дольше, сидели совершенно молча, ожидая начала. Сидели рядом, касаясь друг друга плечами, видели друг друга, но никто никому не говорил ни одного слова. Никто ни у кого ничего не спрашивал. <...> Никогда по гроб жизни не забуду этого молчания (*Симонов К. Глазами человека моего поколения. М.: Правда, 1990. С. 253*).

Вышли те, чьи портреты были всем давно знакомы, и по предложению Берии председателем Совета Министров СССР единогласно утвердили Маленкова, который опять-таки без обсуждения назвал имена членов высшего политического руководства страны.

Оставалось устроить пышные похороны, на траурном митинге напоследок поклясться в вечной преданности почившему вождю и учителю.

И развернуть страну к новой жизни.

«А мы просо сеяли, сеяли...» — «А мы просо вытопчем, вытопчем...»

От «идеологического нэпа» — к «великому расколу»

Сталина похоронили 9 марта 1953 года.

И уже на следующий день Маленков потребовал «прекратить политику культа личности» — хотя пока не сталинской, а своей собственной, ибо в «правдинском» отчете о похоронах непропорционально много места было уделено ему, Маленкову, в сравнении с другими членами нового, как тогда говорили, «коллективного руководства».

Опасные два слова «культ личности» тем не менее были выпущены на свободу, превратились в мем, и 19 марта Хрущев употребил их уже применительно к самому Сталину.

Поводом стала передовая статья «Священный долг писателя», написанная Константином Симоновым для «Литературной газеты», где говорилось, что «самая важная, самая высокая задача, со всей настоятельностью поставленная перед советской литературой, заключается в том, чтобы во всем величии и во всей полноте запечатлеть для своих современников и для грядущих поколений образ величайшего гения всех времен и народов — бессмертного Сталина».

Хрущев, — как вспоминает неожиданно для себя проштрафившийся Симонов, — впал в бешенство, «позвонил в редакцию, где меня не было, потом в Союз писателей и заявил, что считает необходимым отстранить меня от руководства „Литературной газетой“, не считает возможным, чтобы я выпускал следующий номер».

Бешенство, впрочем, тут же улеглось, Симонова в должности оставили — по крайней мере до августа, пока он не напечатал стихотворение Иоганнеса Бехера, почему-то признанное «националистическим».

Но слухи поползли еще в марте и — процитирую Асю (Анну Самойловну) Берзер — «одна-единственная фраза: „Нельзя же, чтобы советская литература всегда изображала только Сталина...“» — необыкновенно «подняла наш дух в те дни <...> замаячила надеждой...» (*Липкин С. Жизнь и судьба Василия Гроссмана; Берзер А. Прощание. М.: Книга, 1990. С. 208*).

Процесс, словом, пошел. Хотя, по видимости, сталинистская риторика по-прежнему была в ходу и палаческие навыки тоже.

«Крокодил» 20 марта еще успел грохнуть антисемитским фельетоном В. Ардаматского «Пиня из Жмеринки». Фадеев, Сурков и все тот же Симонов еще успели стукнуть в ЦК о необходимости освободить Союз писателей от балласта, понимая под балластом прежде всего «лиц еврейской национальности», чей прием в союз был будто бы «кискусственно завышен». А сам Фадеев, в прежней роли неколебимого генсека выступая на первом постпохоронном пленуме ССП, еще успел в клочья разнести не только роман Василия Гроссмана «Народ бессмертен», но и невиннейшую статью Н. Гудзия и В. Жданова «Вопросы текстологии».

Риторика, однако, риторикой, а жизнь жизнью.

В марте 1953-го создано Министерство культуры и объявлена амнистия, по которой освободили миллион двести тысяч человек.

В апреле все цены в СССР снижены в среднем на десять процентов, в страну начал течь импорт по договорам с зарубежными странами, в разряд признанных классиков возвращен убитый, а затем причисленный к агентам империализма Михозлс, запрещены недозволённые методы следствия, самые зловещие палачи отставлены от дел, выпущены из-под стражи врачи-отравители — те, естественно, что остались в живых.

А первомайский праздник «Литературная газета» вдруг ни с того ни с сего встретила не барабанными виршами, как обычно, а огромной подборкой стихов о любви... И дальше, дальше — уже скрыто обсуждаются вопросы о вступлении советских писателей в Международный ПЕН-клуб и о том, кого из них выдвинуть на Нобелевскую премию...

Была вчера жена Бонди — так и пышет новостями о «новых порядках», — записывает в дневник Корней Чуковский. — «Кремль будет открыт для всей публики», «сталинские премии отменяются», «займа не будет», «колхозникам будут даны облегчения» и т. д., и т. д., и т. д. «Союз писателей будет упразднен», «Фадеев смещен», «штат милиции сокращен чуть не впятеро» и т. д., и т. д., и т. д. Все, чего хочется обывателям — они выдают за программу правительства¹.

Вопрос: была ли такая программа у правительства?

---

¹ Чуковский К. И. Дневник. 1936–1969 // Чуковский К. И. Собр. соч. М.: ФТМ, 2013. Т. 13. С. 140–141.

Ответ: да, безусловно. Вернее же сказать, было сразу несколько программ, частью конфликтовавших друг с другом, а частью, причем большей частью, консенсусно погашавших, как бы аннигилировавших друг друга.

На стороне зла — станем говорить почти исключительно о литературе — оказались, как это им и положено, идеологи — Пospelов, Суслов... И аппарат, конечно, чиновники рангом поменьше — как непосредственно в Союзе советских писателей, так и в ЦК, где их живым воплощением служил Дмитрий Алексеевич Поликарпов, в должности заведующего Отделом культуры на протяжении почти всей оттепельной эпохи присматривавший за товарищами сочинителями.

Но, известно же, писателями руководить, что котят пасти: если не разбегаются, то вольничают.

Тем более что в первый постпохоронный год писателям почудилось, будто и у них появилась надежда и опора — первый по счету министр культуры СССР Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко.

Теперь имя этого вождя партизанской войны в Белоруссии, с должности министра заготовок неожиданно для себя переброшенного на театр, кино, музыку и — да, да! — на литературу, позабыто.

А зря. Вот три записи в дневнике Корнея Чуковского, самого авторитетного летописца первых оттепельных лет.

Первая, датированная 1 мая 1953 года: Катаев

с большим уважением отзывается о министре культуры Пономаренко. Я как-то ездил с ним в Белоруссию в одной машине — и он мне сказал: «Какая чудесная вещь у П<у>шк<ина> „Кирджали“». А я не помнил. Беру П<у>шк<ина>, действительно чудо... Он спас в 1937 году от арестов Янку Купалу, Якуба Коласа и других. Очень тонкий, умный человек¹.

Вторая, уже 5 декабря:

Был с Фединым у Пономаренко. Он больше часу излагал нам свою программу — очень простодушно либеральничая. «Игорь Моисеев пригласил меня принять его новую постановку. Я ему: „Вы меня кровно обидели. — Чем? — Какой же я приемщик?! Вы мастер, художник — ваш труд подлежит свободной критике зрителей — и никакие приемщики здесь не нужны... Я Кедрову и Тарасовой прямо сказал: отныне ваши спектакли освобождены от контроля чиновников. А Шапорин... я Шапорину

---

¹ Там же. С. 142.

не передал тех отрицательных отзывов, которые слышал от влиятельных правительственных лиц (Берия был почему-то против этого спектакля), я сказал ему только хорошие отзывы, нужно же ободрить человека... Иначе нельзя... Ведь художник, человек впечатлительный"» и т. д., и т. д., и т. д. Мы поблагодарили его за то, что он принял нас. «Помилуйте, в этом и заключается моя служба» и т. д.¹

И шаг назад, третья запись от 20 октября:

Был у Федина. Говорит, что в литературе опять наступила весна. Во-первых, Эренбург напечатал в «Знамени» статью, где хвалит чуть не Андре Жида (впрочем, насчет Жида я, м. б., и вру, но за Кнута Гамсуна ручаюсь. И конечно: Пикассо, Матисс). Во-вторых, Ахматовой будут печатать целый томик — потребовал Сурков (целую книгу ее старых и новых стихов), в-третьих, Боря Пастернак кричал мне из-за забора <...>: «Начинается новая эра, хотят издавать меня!»...²

Разумеется, это начальственное либеральничанье тут же погашалось бдительным аппаратом: этого, как только дело доходит до конкретки, нельзя, и этого тоже нельзя. Разумеется, и реформаторы во власти были отнюдь не простодушны. Но писателей, но деятелей культуры чуть помани вольностью, и они тут же распоясываются.

Художники попробовали проводить «выставки без жюри», то есть без предварительных отборочных комиссий, накладывающих вето на все не соцреалистическое. Музыканты возмечтали о зарубежных гастролях. А писателям пришла в голову идея кооперативных изданий.

Ведь что у нас было к тому времени? Единый Союз советских писателей. Считаное число издательств, выпускающих поэзию и прозу. И всего пять литературных журналов — три в Москве («Новый мир», «Знамя» и «Октябрь»), один в Ленинграде («Звезда») и один в Новосибирске («Сибирские огни»).

Где печататься? Где пробивать свои произведения сквозь непрелконный Главлит и всевидящие инстанции?

Причем и то надо принять во внимание, что вплоть до зимы 1953/54 года никакой сколько-нибудь заметной смысловой и эстетической разницы между журналами не просматривалось. Лед тронулся только в декабре, когда А. Твардовский напечатал в «Новом

¹ Чуковский К. И. Дневник. 1936–1969. С. 157.

² Там же. С. 155.

мире» статью Владимира Померанцева «Об искренности в литературе», а затем — едва не единым залпом — статьи Михаила Лифшица о дневниках Мариэтты Шагинян, Марка Щеглова о «Русском лесе» Леонида Леонова, «Люди колхозной деревни в жизни и литературе» Федора Абрамова.

Конечно, реакция идеологов и аппарата не заставила себя ждать: Пономаренко уже в феврале 1954 года отправили поднимать целинные и залежные земли, а литературу навсегда вывели из подчинения Министерству культуры. Затем в марте Борис Полевой отправил в ЦК КПСС докладную записку «о том, что у ряда писателей, критиков, в том числе и у коммунистов, появилось странное и совершенно превратное мнение о своеобразной перенастройке в нашей политике в области идеологии и о якобы совершающемся в нашей литературе этаком „нэпе“». И что — главное — «внутри страны, в писательских организациях Москвы и Ленинграда, вокруг этих статей <Полевой называет их „совершенно похабными“> начинает группироваться отсталая часть писателей»¹.

Итог известен: громокипящие писательские собрания и пленумы, что идут чуть ли не каждый день, покаяния слушников и отступников от линии партии, наконец отставка Твардовского в августе 54-го — словом, полная и сокрушительная победа, как их тогда называли, гужеедов, именовавших короткую «эпоху Пономаренко» идеологическим нэпом.

Здесь, впрочем, необходимо отметить два момента принципиальной важности.

Первый — что эта победа гужеедов явилась результатом торга среди идеологов и аппаратчиков, а не следствием противостояния журнальных партий, живой литературной или, если угодно, литературно-политической полемики. Погромных статей во всех журналах, конечно, множество, но почти все они — изложение либо докладов, уже прозвучавших на пленумах и собраниях писателей-коммунистов, либо докладных записок, поданных ими в соответствующие инстанции.

Второй момент — на «отсталых» литераторов (в диапазоне от Эренбурга до Паустовского, от Каверина до Казакевича) кричали, топтали ногами, но они не унимались. То коллективным письмом «Товарищам по работе» предложат по сути упразднить Союз писателей, ибо

---

¹ Аппарат ЦК КПСС и культуры. 1953–1957. М.: РОССПЭН, 2001. С. 2006, 2007.

подлинное творческое общение писателей разных поколений» может и должно происходить не в канцеляриях ССП, не в залах заседаний, не на собраниях разобщенных творческих лишь по названию секций, а только в редакциях, в живой практической работе над рукописью¹.

То — действительно как при нэпе — придумают кооперативное издательство и даже дадут ему название «Современник». «Это издательство, — пересказывает чужие слова Владимир Лакшин, — не должно зависеть от коммерческих соображений и от начальства — выпускать малыми тиражами, но максимально свободно то, что пишут»². То — и здесь я говорю о единственном состоявшемся проекте — начнут тишком составлять независимый или хотя бы полунезависимый альманах.

Такой альманах — ему дали имя «Литературная Москва» — вышел 17 февраля 1956 года как подарок XX съезду партии.

Подарок, прямо скажем, с гнильцой, с червоточинкой. В первом выпуске — стихи А. Ахматовой, заметки Б. Пастернака о переводе Шекспировых трагедий, рассказ В. Гроссмана, глава «Друг детства» из поэмы А. Твардовского «За далью — даль», от которой несентиментальный Чуковский, по его собственному признанию, просто «заревел». Причем, — как 4 мая Э. Казакевич написал К. Федину, — «первый том был пробой наших сил и разведкой в стане праздно болтающих и обгаряющих руки. Второй, надеюсь, будет более решительным и определенным»³.

И действительно, второй выпуск, появившийся ближе к концу года, выглядел еще более вызывающим — Н. Заболоцкий, стихи М. Цветаевой с предисловием И. Эренбурга, знаменитые «Рычаги» А. Яшина, статьи М. Щеглова «Реализм современной драмы», Л. Чуковской «Рабочий разговор», А. Крона «Заметки писателя»...

Конечно, — как написал Б. Слуцкий, — «все мы ходили под богом, у самого бога под боком», и устроители рискнули далеко не на все.

Спросили Б. Пастернака, и он предложил «Доктора Живаго». Э. Казакевич как главный редактор взялся за голову. «Оказывается, — сказал он К. Федину, — судя по роману, Октябрьская

¹ Литературная газета, 26 октября 1954 года. Авторами указаны В. Каверин, Эм. Казакевич, Мих. Луконин, С. Маршак, К. Паустовский, Н. Погодин, Ст. Щипачев.

² Лакшин В. «Новый мир» во времена Хрущева. М.: Книжная палата, 1991. С. 22–23.

³ Казакевич Э. Слушая время: Дневники. Записные книжки. Письма. М.: Советский писатель, 1990. С. 374.

революция — недоразумение, и лучше было ее не делать»¹. Нашелся, правда, благовидный предлог — в романе около сорока листов, а под альманах выбили всего пятьдесят. Так что ничего, кроме раздражения, этот сюжет у Пастернака не вызвал.

Я, — написал он О. Ивинской, — теперь предпочитаю «казенные» журналы и редакции этим новым «писательским», «кооперативным» начинаниям, так мало они себе позволяют, так ничем не отличаются от официальных. Это давно известная подмена якобы «свободного слова» тем, что требуется, в виде вдвойне противного подлога.

Занятнее оказалась другая история с большой прозой для альманаха. В «Литературную Москву» постучался Владимир Дудинцев — его уже отклоненный «Октябрем» роман «Не хлебом единым» завяз в «Новом мире» — и не печатают, и не возвращают. Не возьмут ли «кооператоры»?

И тут — сошлюсь на воспоминания самого Дудинцева, —

прочитано было за сутки! За сутки было прочитано! <...>

А потом Казакевич мне и говорит:

— Дорогой Владимир Дмитриевич, не могу печатать. Не могу. Невозможно печатать. Слишком опасно. Вещь не пройдет.

Тем не менее о передаче романа возможному конкуренту узнал Симонов и — по словам Дудинцева — закричал: «„Немедленно засылайте в набор! Сейчас же чтобы был заслан в набор!“ И роман был заслан в набор в „Новом мире“. <...> Одним словом, роман там пошел».

К большой, замечу, беде — и для К. Симонова, который лишился поста главного редактора, и для В. Дудинцева, которого на десятилетия лишили возможности печататься где-либо.

Впрочем, и «Литературную Москву» отказ от публикации как «Доктора Живаго», так и «Не хлебом единым» отнюдь не спас. Набор третьего выпуска альманаха был рассыпан, и власть, судя по всему, закаялась хоть что-либо давать господам сочинителям на откуп.

Нет уж, только из наших рук и только под нашим неусыпным приглядом. И это, как я обещал сказать, третий момент, третий урок идеологического нэпа.

---

¹ Чуковский К. И. Дневник. 1936–1969. С. 217.

Власть поняла, что глушить инициативу совсем не обязательно. Лучше ее перехватывать, и вся середина и в особенности вторая половина 1950-х годов стала эпохой экстенсивного расширения литературного пространства, а говоря попросту, временем, когда новые журналы стали расти как грибы.

1955 год — «Дружба народов» (главный редактор Виктор Гольцов), «Нева» (главный редактор Александр Черненко), «Юность» (главный редактор Валентин Катаев), «Иностранная литература» (главный редактор Александр Чаковский).

1956 год — «Наш современник» (главный редактор Виктор Полторацкий), «Молодая гвардия» (главный редактор Александр Макаров), «Дон» (главный редактор Михаил Соколов), «Москва» (главный редактор Николай Атаров).

1957 год — «Подъем» (главный редактор Константин Локотков), «Вопросы литературы» (главный редактор Александр Деметьев), «Русская литература» (главный редактор В. Базанов).

1958 год — «Урал» (главный редактор Олег Коряков), «Уральский следопыт» (главный редактор Вадим Очеретин).

Конечно, какие-то издания появились в 1960-х годах, даже в 1970–1980-х, но карта советского журнального мира сложилась: 60 лет на пути из сталинского скудного единообразия через смуту идеологического нэпа к новому единообразию, правда, уже богатому, а в отдельные времена даже и цветущему.

Что обращает на себя внимание? Строение этой карты по региональному либо же тематическому типу. И, за исключением двух-трех имен, бесцветность фамилий первых, а часто и последующих главных редакторов. Они послушнее или, если угодно, эластичнее. Кто-то из них, может быть, и хорош по своим человеческим качествам, но вокруг них не соберутся «отсталые» писатели, как собрались бы они вокруг редакторов-харизматиков. Следовательно, не образуется и литературного направления или, как любили говорить советские идеологи, «групповщины». И с ними, бесцветными и малоавторитетными, проще, если уж потребует, расставаться, увольнение скандала в обществе не вызовет.

Поэтому еще долго-долго редакции новых изданий будут стремиться не отличаться друг от друга, а друг на друга походить — до полной неразличимости.

Выделиться, — комментирует редактор из Свердловска Валентин Лукьянин, — это значило тогда в чем-то противопоставить себя другим,

проявить нескромность, заявить, возможно, необоснованные амбиции, а то и вовсе (страшно сказать!) власть в субъективизм. Никто бы им и не позволил выделиться, да к тому и не стремились: не так были воспитаны. И вектор амбиций был повернут в другую сторону: хотелось «каплею литься с массой», иными словами — сделать в точном соответствии с ожидаемым¹.

Конечно, «отсталые», как назвал их Полевой, или «фрондирующие», как их стали называть позднее, литераторы пытались этой нивелировке сопротивляться, вынашивать новые планы, и в сборниках документов из архивов ЦК КПСС немало агентурных сообщений и докладных записок, где все тот же недремлющий Поликарпов или председатели КГБ — сначала Шелепин, затем Семичастный — докладывают о тайных встречах и тайных намерениях Паустовского, Алигер, Арбузова, Каверина, других тогдашних либералов. Однако либералы и есть либералы, «герои оговорочки», как язвил еще Ленин, поэтому — меланхолично замечает Шелепин 26 февраля уже 1959 года —

из имеющихся материалов видно, что, несмотря на близость между Паустовским, Казакевичем и другими лицами названной группы писателей, спаянностью она не отличается, и даже, наоборот, заметно настороженное отношение этих писателей друг к другу².

Вот и не сложилось, как не сложилось тогда и у их убежденных противников.

Вроде бы в 1957 году М. Шолохов собирался возглавить журнал «Молодая гвардия», и автор бессмертной «Тли» Иван Шевцов писал своему старшему единомышленнику Сергею Сергееву-Ценскому: «В Москве по этому поводу в среде русских, точнее, нееврейских литераторов — ликование. Авось хоть один журнал будет вне их монополии». Но то ли власть выдвинула неприемлемые для Шолохова условия, то ли, наоборот, закапризничал сам Шолохов, но — снова повторю это слово — не сложилось.

А жаль, так как не исключено, что течение журнальных баталий было бы сильно взбодрено, и позиция, которую позднее станут

---

¹ Лукьянин В. «Урал»: Журнал и судьбы. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2018.

² Цит. по: Огрызко В. Все решала партия: Литературная Россия под контролем Старой площади. М.: Литературная Россия, 2016. С. 177.

называть «коммуно-почвеннической» или «национал-большевистской», была бы проявлена гораздо раньше.

Возникновения журналов «с направлением», с отчетливым кругом идей и обозримым кругом авторов пришлось дожидаться до самого конца 1950-х.

Пока в силу не вошел и не обзавелся редакторскими амбициями Валентин Катаев — ведь в первые год-два своего существования «Юность» была журналом хоть и цветастым, но с точки зрения литературы малоинтересным, и лишь постоянное представительство на его страницах авторов «исповедальной прозы» и «эстрадной лирики» очертило необщее выражение журнального лица.

А главное, пришлось ждать, пока на рубеже 1950–1960-х годов в «Новый мир», отказавшись от редакторства в «Октябре», не вернется Александр Твардовский, а «Октябрь», Твардовским отвергнутый, не перейдет в руки Всеволода Кочетова.

Журнальный мир, что и предписано национальной традицией, стал многополярным, расколотым не на два лагеря («демократы-прогрессисты» и «верные автоматчики партии»), как обычно думают, но минимум на три, а с приходом Анатолия Никонова в отныне почвенническую «Молодую гвардию» уже и на четыре.

И вот благодаря их вражде, их истребительной полемике, противостоянию их позиций, 1960-е годы стали золотым веком отечественной литературной журналистики.

Но это уже совсем другая история.